

С. А. ЗАХАРКЕВИЧ

**«ЭТИ СОБИРАТЕЛИ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ
ВЕДУТ СЕБЯ ПО-РАЗНОМУ...»:
ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ АКАДЕМИИ НАУК БССР
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Проанализированы полевые этнографические тетради, показаны условия проведения фольклорно-этнографических экспедиций Института истории Академии наук БССР. Полевые тетради 1945, 1946 и 1948 гг. дают возможность познакомиться с картиной мира исследователей, их чувствами и стереотипами, которые влияли на сбор полевого этнографического материала.

The article based on the analysis of field ethnographic notebooks reflected daily and conditions for folklore and ethnographic expeditions of the Institute of History on the Academy of Sciences of BSSR. Field notebooks in 1945, 1946 and 1948 provide an opportunity to get acquainted with the picture of the world of researchers, their feelings and stereotypes that affect the collection of field ethnographic material.

Ключевые слова: полевая этнография; этнографические экспедиции в Беларуси; полевые этнографические дневники; история белорусской этнографии XX в.

Keywords: field ethnography; ethnographic expeditions to the Belarus; ethnographic field diaries; history of Belarusian ethnography on XX century.

Современная этнология (культурная антропология) имеет специфические методы исследования (непосредственное, включенное наблюдение, неформализованное интервью), которые наиболее широко мо-

Захаркевіч Сцяпан Артуравіч — дацэнт кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.
E-mail: stepanzah@mail.ru

гут быть использованы во время «выезда в поле». Полевые экспедиции — необходимая часть этнологического исследования, когда собирается материал, который впоследствии будет подвергнут анализу и превратится в научный текст или будет сдан в архив и ждать своего часа. Тем не менее именно полевые исследования выступают своеобразным эталоном этнологической работы, как в археологии дневники и материалы раскопок или в истории обнаружение ранее неизвестных архивных источников. «Практика антропологическая является практикой полевой», — утверждает современный теоретик культурной антропологии Кирстен Хаструп. Все этнологи знакомы с «тробрианским полем» Б. Малиновского, новогвинейскими приключениями Н. Миклухо-Маклая, южноамериканскими испытаниями К. Леви-Стросса, самоанскими исследованиями М. Мид. Список можно продолжать.

Поэтика и героика таких далеких и экзотических полевых исследований героев учебников по истории этнологии может сформировать некоторую неполноценность отечественной науки, которая прежде всего призвана изучать собственную культуру на небольшой территории. Командировки на машине, поезде или автобусе на расстояния, схожие с выездом на дачу, в культурно предсказуемую среду белорусской деревни или города весьма сильно отличаются от приключений, связанных с преодолением неизвестного, тяжелых и не всегда удачных попыток «вхождения» в изучаемую культуру где-то на периферии ойкумены.

История отечественной этнологии, конечно, может похвалиться чередой таких «богатырей» — Ян Домейко изучал арауканов в Южной Америке, Иосиф Гашкевич составил первый японско-русский словарь, Ян Виткевич побывал в Иране и Афганистане, — которые, однако, не были профессионалами. Первым профессиональным исследователем, который вышел за рамки изучения белорусской культуры, можно назвать Александра Сержпутовского, совершившего экспедицию на Кавказ (современный Дагестан) в качестве сотрудника Русского музея [10, с. 58].

Если (используя метафоры постмодернистской антропологии) вся «крупная» и «известная» антропология в конечном итоге «вернулась домой» из «дикого поля» [14, с. 18], то белорусская этнология никогда и никуда «из дома» не уезжала. Приходится констатировать (без тени сожаления), что отечественная наука изначально «домашняя». Однако отсутствие громких полевых экспедиций в «неизведанные дали» абсолютно не преуменьшает роль белорусской этнологии. В некотором смыс-

ле этот факт можно рассматривать как позитивный для развития отечественной науки, так как не было и нет необходимости в рефлексии по поводу «чуждости», «экзотичности» объекта исследования, болезненной критики за евроцентризм и многие другие «грехи», в которых обвиняют этнологию / культурную антропологию или в которых признаются сами исследователи.

Белорусская этнология имеет богатый и интересный опыт полевых исследований, изучение и осмысление которого необходимо для нового понимания горизонтов отечественных традиций в этой науке и осмысления необходимости и возможности изменения существующей «парадигмы достижений».

В первые десятилетия XX в. белорусская этнология начала достаточно активно осваивать полевые исследования. В 1909—1912 гг. В. Ластовский проводил экспедиции в Браславский и Дисненский районы [9, с. 41], в 1911—1912 гг. по Полесью проехал И. Сербов. В 1923 г. была проведена серия экспедиций (район Руденска, Логойска, Узды и др.), в которых участвовали А. Шлюбский, М. Мелешко, М. Азбукин, а также профессиональный фотограф Л. Дашкевич [5]. В 1920-х гг. полевые исследования проводили А. Сержпутовский [11], В. Ластовский [7]. В это время студент М. Гринблат начинал свою научную этнографическую карьеру с исследования Туровщины [6], А. Супинский в рамках экспедиции ИПИИ (Институт по изучению народов СССР) обследовал некоторые районы Витебской губернии [12; 13, с. 103]. В 1930-е гг. продолжал работу М. Гринблат, в полевые исследования включился студент Виленского университета им. С. Батория М. Петюкевич, изучавший старообрядцев Браславщины [8, с. 56, 57]. После Второй мировой войны полевые исследования этнологами в Беларуси продолжились.

Традиционно в белорусской этнологии сбор полевого материала происходит с участием студентов в качестве волонтеров, активных членов краеведческих объединений, проходящих этнографические или фольклорные практики и т. д. В таких случаях нередко распространены правила обязательного ведения студентами полевых дневников, которые затем ложатся в основу их экспедиционного отчета. В архиве Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси автор обнаружил четыре таких дневника за период 1945—1948 гг. Полевые дневники представляют собой ценный исторический источник, который дает возможность понять, как и в каких условиях происходили этнографические экспедиции в этот период, какие сте-

реотипы оказывали влияние на участников экспедиций, на отбор ими полевого материала, в целом на восприятие окружающей белорусской повседневной культуры¹. Два дневника (М. С. Меерович и Ю. Ф. Мацкевич) написаны в одно и то же время, что усиливает их ценность, так как позволяет увидеть одну экспедицию глазами разных участников. Дневники разные по объему и содержащейся в ней информации. Дневник Меерович наиболее краткий и лаконичный и представляет собой карманный блокнот с каждодневными небольшими (иногда в одно предложение) записями. Дневник О. Н. Цыбиковой о Брестской фольклорно-этнографической экспедиции составляет 41 лист и является наиболее полным. Этот дневник отличается рефлексией: описаниями эмоций, ощущений и разочарований. Он интересен обилием городских и культурных стереотипов автора о сельской жизни, дает возможность познакомиться с образом мыслей советских студентов. Автор, О. Цыбикова, не лишена некоторого литературного таланта: «Вот мы и в Бресте. Экспедиция началась...», «Эти собиратели народной мудрости ведут себя по-разному. Довгялло с виду спокоен... Видимо, уверен в богатом улове. Цитович в восторге от порученного ему дела: всю ночь по дороге в Брест он не спал, не мог уснуть, находясь в весьма возбужденном состоянии...» [3, л. 1], «Жаль, что не указал их адресов. В Ружанском районе и только. Ну, ничего — найдем!» [3, л. 2]; «...говорил, как бобом молотил, так, что и не запишешь...» [3, л. 7].

Из дневника Л. Г. Альтшулер видно, что в летней экспедиции 1945 г. (22 июля — 20 августа) участвовали четыре человека: М. Я. Гринблат — руководитель, Г. И. Цитович (будущий известный этномузыковед), М. С. Меерович и Л. Г. Альтшулер. Экспедиция работала по маршруту Борисов — Плещеницы — Долгиново — Вилейка — Молодечно.

Летом 1946 г. экспедиция проходила с 3 августа до 4 сентября. Включала маршрут Слуцк — Старобин — Житковичи — Луинец. Эта экспедиция представлена двумя дневниками (Меерович и Мацкевич), причем второй дневник написан по-белорусски. Состав экспедиции был схожим с предыдущим: М. Я. Гринблат — руководитель, Г. И. Цитович, М. С. Меерович и Ю. Ф. Мацкевич, Л. Г. Альтшулер, Ковчур и М. Гунько.

¹ Автор выражает благодарность научному сотруднику, заведующему сектором сохранения фольклорного наследия отдела фольклористики и культуры славянских народов ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» кандидату исторических наук Ю. И. Внуковичу за помощь в поиске материалов.

Брестская фольклорно-этнографическая экспедиция 1948 г., описанная в дневнике О. Н. Цыбиковой, проходила с 15 июля по 15 августа. В экспедиции участвовали М. Я. Гринблат, Г. И. Цитович, И. Ю. Довгялло и несколько волонтеров.

Что фиксировали во время экспедиции. В дневнике Л. Г. Альтшулер большое внимание уделено отчетам о записях песен: «...от учительницы записала несколько песен...», «...на квартире у него (бригадира д. Заборье (совр. Вилейский р-н). — С. 3.) собралась молодежь, которая пропела песню “Уперад, мы сталінцы ліхія”...» [4, л. 2]. Причем стремились фиксировать реальный говор: «...с утра записывали тексты песен, потом черты живого говора...» [2, л. 3]. «16 и 17 (август 1946 г.) провели за упорядочением собранного материала...» [2, л. 8].

Если записывали полевой материал утром, то после обеда его могли обрабатывать: «...остаток дня провела за переписыванием собранного материала в д. Козловичи...» [2, л. 3].

Отдельной важной темой в экспедиции была зарисовка различных деталей или элементов материальной культуры. Делали зарисовки сами участники: «... зарисовали узоры с тканых постилок...» [4, л. 2]. В д. Княжино (Княгинино Мядельского р-на) «...зарисовала интересный наличник на окне дома Николая Мядзелки...» [4, л. 6]. В д. Цинцевичи 10 августа 1945 г. (Вилейский р-н) «...в селе разнообразные наличники на окнах домов. Зарисовала семь наличников...» [4, л. 7]. В с. Литва (совр. Молодечненский р-н) «...зарисовала несколько интересных фронтонов, наличников и узоров тканых постилок...» [4, л. 9].

Из дневника О. Н. Цыбиковой можно узнать о том, что с Брестской экспедицией работал художник Михаил (скорее всего, речь идет о художнике М. Л. Тарасикове. — С. 3.), который в Хидрах (совр. Дрогичинский р-н) во время Дожинок «...зарисовал у каждой жнеи ее “закрутенъ”...» [3, л. 14]; «...Помогла Михаилу зарисовать “Обэрых” (для сбережения скирды шапка-верхушка). Сделала измерения. Помогли Михаилу в измерениях плана “господского” двора...» [3, л. 16].

«Гринблат записал детские песни-игры...» [4, л. 2]. Альтшулер вместе с Цитовичем в д. Жастиное (совр. Логойский р-н) записали «Женитьбу Церешки» [4, л. 2]. В д. Осово (совр. Мядельский р-н) Гринблат и Цитович зафиксировали «у крестьянки Гунько» ход свадьбы [4, л. 6]. «Напевы песен записал т. Цитович. Работали поздно, часов до двух ночи» [4, л. 8]. В д. Домановичи (совр. Солигорский р-н) Мацкевич фиксирует: «Из традиционного фольклора здесь ничего не найдено, но

записали богатый материал из жизни партизан и партизанского движения...» [2, л. 12]. В д. Доропеевичи (совр. Солигорский р-н) Цыбикова «...записала... жнивный обряд...» [3, л. 19]. 13 августа 1946 г. Мацкевич записала: «...это был один из самых результативных дней экспедиции... записали 14 песен» [2, л. 5]. А у Меерович вообще про этот день нет записей.

Повседневные условия работы и жизни в экспедиции. Альтшулер делится в дневнике своими страхами: «...в деревне (Заборье) часто бывают волки, которые хватают главным образом детей. У крестьян ходят слухи, что это наказание богом за грехи людей...» [4, л. 2]. Позже снова повторяет рассказ о волках, которые уносят детей [4, л. 3].

Из деревни в деревню ходили пешком, изредка подъезжали на подводах [4, л. 4]. Из дневника Мацкевич можно определить расстояния переходов: «...сделали выход в д. Козловичи (семь км от Слуцка)...» [2, л. 2]. 11 августа 1946 г. Мацкевич с группой вышла из Слуцка в д. Працевичи (Слуцкий р-н), которая находилась на расстоянии 14 км [2, л. 4]. На следующий день был переход в 16 км к д. Чепели Старобинского р-на (совр. Солигорский р-н). Причем Мацкевич в дневнике зафиксировала «переход» в д. Чепели, а Меерович «приехала» [1, л. 7]. Нередко ходили много: «...весь день провели в переходе к д. Махновичи...» (совр. Солигорский р-н) [2, л. 8]. 20 августа 1946 г. был переход от д. Долгое к Домановичам: «Это был один из самых тяжелых переходов, как по своей удаленности (20—25 км), так и по тяжести самой дороги. Все время пришлось идти по сыпучему песку (особенности полесской дороги)...» [2, л. 10]. В отличие от Мацкевич Меерович более сдержанна в эмоциях и лаконична: «...прошли 23 версты, пришли поздно вечером...» [2, л. 22]. Иногда в экспедиции использовались попутные автомобили, как 1 августа при переезде из д. Кривичи в Старобин [2, л. 8]. В Брестской экспедиции пешие переходы были также не редкость: «В Гудзки шли всю дорогу пешком. Это от Кобрин недалеко, км восемь...» [3, л. 11]. В целом дневники полны рассказов и описаний пеших путешествий: «...мы опять встали на собственные средства передвижения...» [3, л. 21]. При этом опытные «полевики» Гринблат и Цитович удивляли своей выносливостью: «...я, Вера, Довгялло уснули как убитые. Михаил и Цитович ушли в кино... Этого Цитовича можно нагрузить 50 кг-ми, заставить его пройти 50 км и он все равно пойдет в кино. Вот идол...» [3, л. 21].

Летом 1948 г. О. Цыбикова с экспедицией выехала из Бреста в Кобринский район на поезде «польской конструкции»: «Вагоны пригодны

для курсирования единичных польских панов. Весь вагон пустой, у двух противоположных стенок по одной скамейке. Свободного места много, а сесть нет где. Ради приличия — постоим...» [3, л. 4].

В д. Язни (Вилейский р-н) Гринблат, Цитович и Альтшулер ночевали как придется: «...отношение со стороны депутатов сельсовета к нам плохое, поместили в грязную избу, а тт. Гринблату и Цитовичу даже не предоставили ночлега...» [4, л. 5]. Интересно, что далее Альтшулер заметила, что «...в Кривичах позже узнали, что Язни — место, где прячутся участники банд...» [4, л. 5].

В д. Боровцы (Вилейский р-н) «...плохо отнесся к нашей экспедиции председатель сельсовета, который не обеспечил нас ночлегом, пришлось ночевать в избе-читальне» [4, л. 8].

Некоторые содержащиеся в дневниках описания условий быта в экспедиции скорее можно было бы отнести к ощущениям и эмоциям современного горожанина, чем, например, к реалиям 1948 г.: «Ночуем мы все вместе в сарае на сене. Спать плохо. Сено лежит на жердях, разбросанных на балках. Внизу нас скот, овцы, вонючие свиньи, лошади, коровы. Животные наносят множество комаров, блох...» [3, л. 24].

Летом 1948 г. экспедиция неоднократно ночевала в Малорите в сарае, так как гостиницы просто не было [3, л. 21].

В 1946 г. после выезда экспедиции пришлось задержаться на неделю в Слуцке, так как не было получено денежного довольствия [2, л. 1].

В послевоенное время в экспедициях не всегда успешно удавалось организовать питание. Цыбикова ярко описывает такие моменты: «В Засимах (совр. Кобринский р-н) тетка — туша пудов семь, стоя на дворе около своих трех коров и наворачивая хлеб с маслом, отказалась продать нам что-либо поесть, затем, когда мы стали уходить, предложила пол-килограмма сала, но закроила дореформенную цену.. с подобными типами, с которыми чем говорить, лучше отказаться от необходимости поесть...» [3, л. 9, 10].

Во время работы Брестской экспедиции Цыбикова в дневнике упоминает, что в д. Черняны Дивинского района (совр. Малоритский р-н), которую они посетили, была эпидемия брюшного тифа, что, кроме прочего, повлияло на то, что «...кушать никак не достанешь. Хлеба нет...» [3, л. 17]. В д. Сосновка (совр. Пружанский р-н) Брестской экспедиции поработать не удалось: «...но оставаться здесь мы не можем, нет чего кушать... ничего не смогли купить, даже литр молока никто не продал...» [3, л. 32].

Часто не удавалось найти новых этнографических или фольклорных материалов (скорее всего, речь идет о конкретных целях экспедиции), что проявлялось достаточно эмоционально на страницах дневников: «Наши из Хидр ничего не принесли нового. В Хидрах их встретили плохо: учителя не помогли, население плохое. Они бабке какой-то сносили полосу снопов, о чем даже сожалели...» [3, л. 13].

Послевоенное время определяло некоторые условия жизни, в том числе подозрительность людей: «Вечером наткнулись на одного райкомовского работника, который, вытянув наган, незаметно держа его, разговаривал с нами, незнакомыми пришельцами...» [3, л. 17]. В Брестской экспедиции лета 1948 г. у Цитовича с собой было ружье, которым он нередко пользовался: «...в Гайковке (совр. Кобринский р-н) Цитович сходил на охоту, убил утку. Хвалятся хорошим завтраком. Обещал Геннадий Иванович подстрелить нам другую...» [3, л. 18]. При этом отношение к оружию было несколько безалаберное: «Цитович задержал немного движение утерей части ружья. Оставил, где вчера разбирал, нашел, но напугался утратой...» [3, л. 20].

Кроме сбора этнографических и фольклорных материалов члены экспедиций проводили воспитательную работу — беседы, политинформации и даже концерты: «Цитович около костра выступал с песнями, а завтра в квартире Макарук пообещал показать свой “концерт”...» [3, л. 15]; «...сегодня с утра думаю о предстоящем концерте. Ведь от его успеха будет зависеть успех нашей работы в деревне... вечером концерт. В главных ролях Довгялло (Доклад о международном положении), Цитович прочел “Песня народная”, сопровождая объяснение собранными им ранее фольклорными материалами. Потом исполнил несколько песен. Успешно прошли песни “Песня старого холостяка”, “А в месяцы верасні”, “Дороги”. Мне пришлось выступать с художественным чтением. Прочла им из фронтовых рассказов Кривицкого “О 28 павших героях, о панфиловцах”. В заключение Довгялло призывал молодежь учиться...» [3, л. 15, 16]. Такие концерты в Брестской экспедиции 1948 г. повторялись в каждой деревне, где участники подолгу останавливались.

Стереотипы и ценностные замечания. Несмотря на дезаксиологические установки этнологии и социально-культурной антропологии, этнограф в «поле» является таким же человеком, как и объекты его исследований. Этнограф не лишен субъективизма, стереотипности взглядов и суждений. Дневники участников вышеперечисленных экспедиций не явились исключением. Как раз интерес представляют их оценки, так

как они отражают личность исследователя, которая не чувствуется у этнографов XIX в.: «...в крестьянских избах особо примечательного ничего нет...» [4, л. 3]. Меерович под Слуцком записывала в д. Лучники: «...интересного ничего нет» [2, л. 3].

В дневниках четко ощущаются стереотипы горожан о сельской жизни. Альтшулер повсеместно использует слово «крестьяне», что дает возможность познакомиться с городским дискурсом. Цыбикова продолжает эту «городскую критику»: «Строение домов не нравится: низкие потолки, крохотные окошки. В квартирах затхлый воздух: помещений из-за обилия комаров и мух не открывают. Комары даже на сеновале беспокоят в ночное время...» [3, л. 6].

Нередки в дневниках категоричные оценки изучаемой и наблюдаемой повседневности: «...песня из русско-японской (войны. — С. З.) — пошлятина. Ее нельзя даже поставить в ряд с самыми малохудожественными песнями из творения простого народа...» [3, л. 8]. В дневнике Цыбиковой часто встречаются пассажи о малокультурности сельского населения: «Разочаровалась в молодежи дер. Черняки. Разговаривая с такой молодежью, нет чем дышать. Новую культуру не восприняли. Новых песен не знают, старого дедовского тоже не помнят, в большинстве случаев совсем ничего не знают...» [3, л. 19].

Сельская пища также не оставляла позитивных впечатлений у «избалованных» горожан: «После засимовского супа (картофельного с молоком) наши участники экспедиции так тронуты были вкусом кобринских обедов (в кобринской чайной. — С. З.) и обращением официанток, что записали благодарность в “книгу жалоб”...» [3, л. 11].

В дневнике Цыбиковой сильно ощущается негативное отношение к Западной Беларуси, много раз употребляются слова «пан», «кулак»: «По дороге (из Гуцок (совр. Кобринский р-н) в Кобрин. — С. З.) на нас накричал один “кулак”. Мы потеряли дорогу и прошли по его уже убранному сенокосу. Он орал во все горло... Есть люди звери из-за собственности. Дяденька (приснись ему черти!)...» [3, л. 13]. Встречается и откровенная цензура фольклора по политическому критерию. Во время записи от сказительницы Ф. С. Мисюк Цыбикова зафиксировала в дневнике: «Есть у нее одно “произведение”, посвященное призыву в польскую армию, явно реакционное и нами не записанное...» [3, л. 35].

Цыбикова вела дневник «правильно»: «...на обещания комсомольца я смотрю как на уже выполненное дело...» [3, л. 1]. Ее некоторые мысли, изложенные в дневнике, выдают в ней романтическую натуру:

«В личности Черняева мне нравится его деловитость, заинтересованность делом собирания фольклора. И в то же время терпим ли мы в натуре этого человека видимо проскальзываемый карьеризм? Записываемые им вещи он боится отдать нам, чтобы не потерять с этим заслугу для своего имени. Отказ свой мотивирует тем, что собирает одному знакомому материал для защиты диссертации...» [3, л. 2]. Некоторые записи поражают своей наивностью: «Несколько разочаровалась в работниках Дома народного творчества (в Бресте. — С. 3.): своих людей они не знают, сказать что-либо дельное не могут, один начальник ссылается на второго и даже на бухгалтера. Спрашивается, а где же дирекция, инспектор и прочие? Горе руководители!...» [3, л. 3]. Однако советский образ мыслей прорывается наружу в самых неожиданных местах. Так, при описании «польского» поезда, на котором Брестская экспедиция ехала до Кобринского района, Цыбикова зафиксировала: «А в целом наши вагоны, как и все наше, лучше, лучше, лучше!...» [3, л. 4]. Встречаются разные замечания о быте и нравах сельских жителей, нередко идеологизированные: «Первый дом на всем пути, где нет икон...» [3, л. 36]. Во время работы в д. Близная (совр. Пружанский р-н) Цыбикова столкнулась с явной антисоветской позицией одного из жителей. В дневник она записала свою оценку этого человека: «Тварь антисоветская!...» [3, л. 40].

Полевые дневники содержат эмоциональные заметки. 20 августа 1946 г. экспедиция работала в д. Домановичи, которую в войну вместе с жителями сожгли немцы. Мацкевич, фиксируя подробности этой трагедии, не сдержалась: «Их рассказы (свидетелей сожжения людей) полны жути...» [2, л. 11].

Необходимо отметить, что дневники полны профессиональных замечаний: «Его (работника областной газеты «Заря». — С. 3.) записи не представляют особого интереса: он русский, записи делает “для себя”, в его записях не сохраняются особенности речи говорящего...» [3, л. 2]; «Вечером занимались перепиской собранного фольклора. Переписка продвигается медленно. Трудно писать на каком-то “неопределенном” русско-украинско-белорусско-полесском языке...» [3, л. 11]. Та же Цыбикова позже в дневнике признается: «Экспедиция эта для меня трудна тем, что плохой разговорный язык населения, больше украинское наречие. Сами себя олтушинцы не признают ни белорусами, ни русскими, говорят “мы, малоросы-украинцы”. Записывать и переписывать трудно. Переписка идет медленно. Нужно смотреть, как написать каждое слово, каждый слог...» [3, л. 26].

Интересны записи в дневнике Цыбиковой о том, как фиксировались и переписывались слова песен и музыка: «Сегодня (13 августа 1948 г. — С. 3.) работали с Цитовичем на его квартире. Проверяли записи совместно скопированных текстов и мелодий. Работа очень медленная. Учитывается каждый слог. Точность музыки. Там, где не хватает слога, Цитович доставляет какое либо “Эй” да “Ох”, которое должен был бы спеть рассказчик песен. Теперь я вижу, как важно делать записи с пения. Тогда многого не пришлось бы догадываться, каждый звук был бы налицо...» [3, л. 38].

Во время пребывания Брестской экспедиции 1948 г. в д. Олтуш (совр. Малоритский р-н) Цыбикова зафиксировала своеобразное «правило вхождения в культуру изучаемого объекта», сформулированное Цитовичем: «...два дня ничего не будем записывать, пусть народ к нам привыкнет, будет доверчивее...» [3, л. 23].

Таким образом, полевые дневники фольклорно-этнографических экспедиций Института истории Академии наук БССР 1945, 1946 и 1948 гг. — ценный источник по изучению организации и условий проведения этих полевых выездов, который знакомит читателя с повседневностью и рутинной работой по сбору полевого этнографического материала.

Большое значение для постижения проблемы развития белорусской этнографии в этот период имеют эмоциональные, оценочные и стереотипные замечания, содержащиеся в текстах дневников. Анализ вышеуказанных дневников заставляет усомниться в позитивистских объективных методах изучения культуры. Вышеупомянутые тексты свидетельствуют как раз о присутствии достаточно жестких установок по сбору материала, наличии барьера или дистанции между членами экспедиции (по крайней мере, ее младшей части) и местным населением, существовании своеобразной «цензуры» или «самоцензуры» (учитывая, что дневники изначально писались с учетом их публичности). Можно согласиться с мнением К. Хаструп о том, что «точка зрения никогда не является нейтральной» [14, с. 16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив ГУО «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (далее — АЦ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 21 — Дневник участницы экспедиции АН БССР в Слуцк — Пинск, 1946 г. М. С. Меерович.

2. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22 — Дзёння ўдзельніцы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі АН БССР ад 3.08. да 4.09.1946 г. Ю. Ф. Мацкевіч.
3. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 23 — Дневник участницы Брестской фольклорно-этнографической экспедиции Института истории АН БССР 15.07—15.08.1949 г. О. Н. Цыбиковой.
4. АЦ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24 — Дневник участницы фольклорно-этнографической экспедиции летом 1945 г., младшего научного сотрудника АН БССР Л. Г. Альтшулер.
5. *Бамбешка І. І.* Экспедыцыйнае даследаванне Лагойшчыны ў 1923 г. // Другія Тышкевіцкія чытанні. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2009. С. 93—97.
6. *Грынблят М. Я.* Некаторыя матар’ялы да вывучэння пастушаства і жывёлагадоўлі Тураўшчыны // Наш край. 1928. № 8—9. С. 64—71.
7. *Лабачэўская В.* Архіў забытай экспедыцыі Вацлава Ластоўскага 1928 года па маршруце Слуцк — Асташкавічы // Культура і быт беларусов в этнографическом исследовании и музейной коллекции : материалы междунар. науч. конф., Минск, 7—8 июня 2012 г. Минск : Право и экономика, 2012. С. 83—86.
8. *Лабачэўская В.* Аб працы Мар’яна Пецюкевіча «Архаічныя (прымітыўныя) рысы ў народнай культуры стараабраднікаў Браслаўскага павета» // Браслаўскія чытанні. 2000. Браслаў, 2001. С. 56—59.
9. *Ластоўскі В.* Прочкі і разлучыны // Запіскі аддзела гуманітарных навук : у 13 кн. Менск : Ін-т Беларус. культ., 1928. Кн. 4, т. 1 : Працы кафедры этнаграфіі. Сш. 1. С. 41—48.
10. *Максимчик А. Н.* Экспедиция А. К. Сержпутовского на Кавказ // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX — начале XXI в. : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19—20 мая 2010 г. Минск : БГУ, 2011. С. 57—60.
11. *Сержпутовский А. К.* Отчет о поездке в Гомельскую губернию летом 1926 года. Менск : Ин-т Бел. культ., 1926.
12. *Смірнова І.* Антон Казіміравіч Супінскі — фалькларыст, этнограф, археолаг // Асoba збіральніка ў захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны: да 200-годдзя з дня нараджэння Оскара Кольберга. Мінск : Выд-ва В. Хурсік, 2015. С. 119—131.
13. *Супинский А. К.* «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде // Совет. этнография. 1932. № 2. С. 102—103.
14. *Hastrup K.* Droga do antropologii. Między doświadczeniem a teorią. Kraków : Wyd. UJ, 2008.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2015 г.